Подається російською мовою

Tomorrow and tomorrow so forth...[1]

Одиннадцатый "Д", как бурлящий водоворот, с шумом ворвался в класс. Ощутив необыкновенное возбуждение школьников, Марк Проссер решил: будет дождь. Он уже три года преподавал в средней школе, а ученики по-прежнему удивляли его. Поразительно чуткие зверушки, они так точно реагировали на малейшее колебание барометра.

Брут Янг замешкался в дверях. Коротышка Барри Снайдер хихикал где-то под его локтем. Деланый смешок Барри взметнулся и сник, будто погрузился в глубины страшной тайны, которая будет еще долго смаковаться, затем смешок взвился ракетой, возвещая, что у него, коротышки Барри, был общий секрет с защитником из сборной школы. Барри лелеял свое положение шута при Бруте, а защитник не обращал на Барри никакого внимания: вывернув шею, он высматривал кого-то за дверью. Но и его увлек поток напиравших сзади, как он ни сопротивлялся…

Прямо на глазах у мистера Проссера, подобно убийству, запечатленному на фризе, изображающем жития королей и королев, кто-то пырнул девочку карандашом. Она мужественно проигнорировала нападение на свою персону. Чья-то рука выдернула подол рубашки из штанов Джеффри Лангера – очень способного ученика. Джеффри стоял в нерешительности, не зная, отделаться ли смешком или с гневом постоять за себя, и наконец решился на слабый, неопределенный жест, сохраняя при этом что-то вроде надменного вида, напомнившего Проссеру о минутах, когда, бывало, его самого сковывало такое же чувство нерешительности. Блеск цепочек от ключей и острые углы загнутых манжет извергали заряды электричества, генерировать которые обычная погода никак не могла.

Марк Проссер подумал, придет ли Глория Ангстром в своей алой кофточке с очень короткими рукавами. Иллюзия обнаженности волновала его: вид двух ласкаемых воздухом безмятежных рук на фоне мягкой ангорской шерсти чем-то напоминал белизну бедер.

Он не ошибся. Когда последний косяк одиннадцатиклассников ворвался в комнату, сквозь лес рук и голов ярко вспыхнуло алое, как тлеющий уголек, пятно.

– Ну-с, усаживайтесь, да побыстрей, – сказал мистер Проссер. – Пора начинать.

Большинство повиновалось, только Питер Форрестер, торчавший в середине группы, окружавшей Глорию, остановился с ней у дверей, он очень хотел не то рассмешить, не то поразить ее. Убедившись, что цель достигнута, он с удовлетворением откинул голову назад. Его оранжевого цвета волосы, с короткой челкой, вились мелкими кудряшками. Марк не любил рыжих мужчин с белесыми ресницами, кичливыми лицами, вылупленными глазами и самоуверенными ртами. Сам он был шатен.

Когда Глория нарочито величавой походкой прошла и села на свое место, а Питер юркнул на свое, Проссер сказал:

– Питер Форрестер!

Отыскивая в книге нужные места, Питер поднялся и промямлил:

– Да?

– Будьте любезны, объясните классу смысл слов: "Завтра, завтра, завтра, – а дни ползут..."

Питер взглянул на школьное издание "Макбета", лежавшее перед ним. На задних партах одна из туповатых девиц захихикала, предвкушая

"цирк". Питер пользовался в классе популярностью у девчонок: в этом возрасте у них ума что у мухи.

– Питер, – сказал мистер Проссер, – а книга должна быть закрытой. Ведь сегодня все учили этот отрывок наизусть, не так ли?

Та же девица с задней парты взвизгнула от восторга. Глория положила перед собой открытую книгу так, чтобы было видно Питеру.

Питер резко захлопнул свою и уставился в книгу Глории.

– Да, пожалуй, – вымолвил он наконец, – что там сказано, то они и значат.

– А именно?

– Ну-у-у, что завтрашний день – это то, о чем мы часто думаем, что дни ползут, что слово "завтра" постоянно вкрадывается в наши разговоры. Без мыслей о завтрашнем дне мы бы не могли строить наши планы…

– Так, так. Понятно. Иначе говоря, вы хотите сказать, что Макбет имеет в виду чисто календарную сторону жизни?

Джеффри Лангер засмеялся – несомненно, чтобы польстить учителю. Марк и вправду на какое-то мгновение почувствовал удовлетворение. Потом до него дошло, что он работает на публику за счет ученика. Ведь в его интерпретации толкование Питера прозвучало еще глупей. Он дал было задний ход:

– Я должен признать…

Но Питер шел напролом. Рыжие никогда не умеют вовремя остановиться.

– Макбет хотел сказать… что-то замечательное… что происходит у нас под носом, можно оценить, отбросив заботы о завтрашнем дне и живя лишь сегодняшним…

Марк подумал и решил: нет, не стоит ехидничать.

– Э-э, не отрицая той доли истины, – сказал он, – которая есть в ваших словах, Питер… Скажите, впрочем, насколько это вероятно, чтобы Макбет в той ситуации высказывал столь… – он не удержался, – лучезарные сантименты?

Джеффри опять захохотал. У Питера побагровела шея; он в упор разглядывал пол. Глория взглянула на мистера Проссера с нескрываемым негодованием.

Марк стал поспешно перестраиваться.

– Пожалуйста, поймите меня правильно, – сказал он, обращаясь к Питеру. – Ведь и я не могу дать ответ на все вопросы. Но мне кажется, что весь монолог до слов "нет лишь смысла" выражает такую мысль: жизнь – это, как бы сказать точней, это сплошной обман. Замечательного, как видите, в этом ничего нет…

– Неужели Шекспир действительно так считал? – спросил Джеффри Лангер, голос которого от волнения стал еще выше.

В его вопросе Марк прочел то, что волновало его самого в юности: страшную истину, которая угадывалась лишь подсознательно. Посадив Питера на место, он посмотрел в окно на небо, которое становилось ровного стального цвета.

– В творениях Шекспира, – медленно начал Марк Проссер, – много мрачного. Но нет, пожалуй, более мрачной пьесы, чем "Макбет". Атмосфера в ней гнетущая, пропитанная ядом. Как сказал один критик: все человечное гибнет в ней.

Он сам вдруг почувствовал, что задыхается, и откашлялся.

– В средний период своего творчества, – продолжал Марк, – Шекспир посвящал пьесы таким героям, как Гамлет, Отелло, Макбет. Людям, которые по вине общества, или из-за собственного неведения, или из-за каких-то своих незначительных пороков не смогли стать великими. Даже комедии, написанные в этот период, рассказывают о мире, в котором все плохо. Кажется, будто, взглянув в глубины жизни, сквозь то светлое, что он запечатлел в своих комедиях, Шекспир увидел там нечто ужасное, что испугало его. Так же, как когда-нибудь испугает вас…

В поисках нужных слов он все время глядел на Глорию, сам не замечая этого. В смущении она кивала головой. Осознав это, он улыбнулся.

Он старался говорить мягко, как бы смиренно…

– Но затем, как мне кажется, Шекспир вновь ощутил, что все же она существует – эта всеискупающая правда! Его последние пьесы символичны и в общем безоблачны, словно ему удалось пробиться сквозь уродливую действительность в царство прекрасного. В этом смысле творчество Шекспира дает более исчерпывающее представление о жизни, чем творчество любого другого автора. Кроме, пожалуй, одного итальянского поэта по имени Данте, который создавал свои произведения за несколько веков до Шекспира…

Он увлекся и ушел далеко от Макбета и его монолога. Ехидным учителям всегда доставляло удовольствие рассказывать ему, что ребята нарочно втягивают его в разглагольствования. Он взглянул на Джеффри.

С безразличным видом мальчик рисовал в своем блокноте какие-то каракули. Мистер Проссер закончил так:

– Последняя пьеса, написанная Шекспиром, – это необыкновенная поэма под названием "Буря"[2]. Возможно, кто-нибудь захочет подготовить по ней доклад к нашему следующему уроку по домашнему чтению, к десятому мая. Вещь небольшая…

В классе царило веселье. Барри Снайдер обстреливал доску дробью, при этом поглядывая на Брута Янга – оценит или нет?

– Еще выстрел, Барри, – сказал Марк Проссер, – и за дверь!

Барри покраснел, пытаясь за довольно глупой улыбкой скрыть искреннее смущение, не спуская, впрочем, взгляда с Брута. Девица, что сидела на последней парте, красила губы.

– Алиса, уберите это, – сказал Проссер, – вы не в косметическом кабинете!

Сежак, польский мальчик, тот, что работал по ночам, спал. Его щека, прижатая к парте, побелела, а губы обвисли. Первым побуждением Марка Проссера было не трогать его. Однако, как ему показалось, это было продиктовано не искренней добротой, а самолюбованием: этакая добренькая поза, в которой он иногда заставал сам себя. И, кроме того, одно нарушение дисциплины повлекло бы за собой другое. Он медленно подошел к парте, где сидел Сежак, и потрепал его по плечу. Мальчик проснулся.

На передних партах разрастался шум.

Питер Форрестер шептал что-то Глории, пытаясь рассмешить ее. Но лицо девочки оставалось холодным и торжественным. Казалось, у нее в

голове родилась какая-то мысль, казалось, слова Марка Проссера что-то пробудили в ней. Взяв себя в руки, Марк сказал:

– Питер, судя по всему, вы что-то хотите сказать в подтверждение ваших теорий?

Питер учтиво парировал:

– Нет, сэр. Честно говоря, я не понял монолога. Простите, сэр, что же все-таки он означает?

Столь странная просьба и простодушное признание потрясли класс. Светлые, круглые лица, полные желания в конце концов понять монолог, обратились к Марку. Он ответил:

– Не знаю. Я надеялся, что мне об этом расскажете вы…

В колледже подобное заявление, сделанное профессором, прозвучало бы весьма эффектно. Публичное самосожжение профессора во имя творческого сближения преподавателя и студента, совершенное с такой помпой, произвело бы большое впечатление на группу. Однако для 11-го "Д" невежество учителя словно дыра в крыше, непорядок. Казалось, будто Марк одним движением руки разрубил сорок туго натянутых нитей, с помощью которых он держал на привязи сорок лиц. Головы завертелись, глаза опустились, зажужжали голоса.

– Тише! – крикнул Проссер. – Я обращаюсь ко всем. Поэзия – это вам не арифметика. В ней не существует однозначных ответов. Я не желаю вам навязывать свое мнение, я здесь не для этого…

Безмолвный вопрос: "А зачем же ты здесь?" повис в воздухе.

– Я здесь, – сказал он, – затем, чтобы научить вас думать.

Поверили они ему или нет, было неясно, но так или иначе немного успокоились. Марк решил, что теперь он может вновь войти в свою роль: "я тоже человек". Усевшись на край парты, он начал дружески, доверительно:

– Ну, по-честному, неужели ни у одного из вас нет каких-то своих мыслей по поводу этих строчек, которыми вы бы хотели поделиться с классом, со мной?

Чья-то рука со скомканным платком в цветочках неуверенно потянулась вверх.

– Выкладывай, Тереза, – сказал Проссер, – валяй!

Тереза была робкой и запуганной девицей.

– Они напоминают мне тени от облаков!

Джеффри Лангер засмеялся.

– Веди себя прилично, Джеффри, – тихо сказал Марк Проссер, а затем во всеуслышание: – Благодарю, Тереза! Мне кажется это интересным и ценным наблюдением. В движении облаков действительно есть нечто медленное и монотонное, что ритмикой вызывает у нас ассоциацию со строкой "завтра, завтра, завтра…". А вот интересно, вам не кажется, что эта строка серого цвета?

Не было ни согласившихся, ни возразивших. А за окнами быстро сгущались настоящие облака. Блуждающие солнечные пятна проникли в класс. Грациозно поднятая над головой рука Глории покрылась золотом.

– Глория, – вызвал ее Проссер.

Она отвела свой взор от чего-то, что лежало на парте. Лицо ее залилось краской.

– А мне кажется, Тереза очень здорово сказала, – произнесла она, глядя в сторону Джеффри Лангера. Джеффри фыркнул вызывающе. – А еще я хотела спросить: почему так сказано – "дни ползут"?

– Словом "ползут" Шекспир хотел подчеркнуть обыденный смысл повседневной жизни, ну, скажем, такой, какую ведет бухгалтер, или клерк в банке, или учитель, – сказал Марк, улыбаясь.

Она не ответила на его улыбку. Беспокойные морщинки испещрили ее прекрасный лоб.

– Но ведь Макбет дрался в войнах, убивал королей, да и сам он был королем. И все такое… – сказала она.

– Да, но именно эти свои действия Макбет клеймит, говоря, что в них нет смысла. Понимаете?

Глория покачала головой:

– И потом, вот еще что меня смущает… Ну, вот скажите, разве это не глупо: идет битва, только что скончалась жена, а Макбет стоит и разговаривает сам с собой, и все такое…

– Не думаю, Глория. Независимо от того, как быстро происходят события, мысль течет еще быстрей…

Ответ был неубедителен. Это стало ясно всем и без Глории, которая, как бы размышляя про себя, но достаточно громко, чтобы услышал весь класс, сказала:

– Все это как-то по-дурацки…

Марк сжался под пронзительными взглядами учеников; они, казалось, видели его насквозь. Он взглянул на себя их глазами и вдруг понял, как нелепо он выглядел: в старомодных очках, руки в мелу, волосы разлохмачены, запутавшийся весь в своей литературе, где в трудные минуты король бормотал никому не понятные стихи… Только сейчас он неожиданно оценил их потрясающие терпение и доверчивость, было великодушно с их стороны, что они не подняли его на смех. Он опустил глаза и попытался стереть с пальцев мел. Воздух в классе казался процеженным, такая стояла неестественная тишина.

– Уже много времени, – промолвил Марк наконец. – Начнем чтение отрывка, того, что вы учили наизусть. Бернард Ямилсон, начинайте.

У Бернарда не все было в порядке с дикцией, и отрывок он начал так:

– Завтва, завтва… завтва…

Хорошо хоть класс изо всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться. Против имени Бернарда в журнале Проссер поставил "отлично". Он всегда ставил Бернарду за чтение "отлично". Правда, школьная медсестра уверяла, что дело не в органических дефектах речи, а в небрежности.

Возможно, эта традиция и была жестокой, но так уж повелось в школе: читать выученные на память отрывки надо было у доски. Алиса, как только подошла ее очередь, была совершенно парализована первой же смешной рожей, которую скорчил ей Питер Форрестер. Марк, подержав ее с минуту у доски и видя, как лицо ее становится цвета спелой вишни, наконец сжалился.

– Попробуете еще раз, позже, Алиса, – мягко сказал Марк.

Многие в классе неплохо знали отрывок, хотя почему-то пропускали слова "мы последний слог и видим".

Джеффри Лангер, как обычно, выпендривался, прерывая собственное чтение заумными вопросами:

– …"Что все вчера лишь озаряли путь". Хм… Разве можно так сказать – "все" и "вчера"?

– Можно. Слово "вчера" здесь используется образно, для создания впечатления прошлого. Продолжайте читать! Только без комментариев…

Что все-е-е вчера лишь озаряли путь

К могиле пыльной. Дотлевай, огарок!

Жизнь – это только тень.

– Да нет же, нет! – Проссер вскочил со стула. – Это поэзия, а у вас горячая каша во рту! Сделайте небольшую паузу после слова "пыльной"…

На этот раз Джеффри был искренне удивлен. Даже Марк сам не мог понять причину своего раздражения. Пытаясь объяснить его себе, он на какое-то мгновение вспомнил глаза Глории, бросившей на Джеффри взгляд, полный возмущения. И тут он увидел себя в глупейшей роли рыцаря Глории в ее войне с этим смышленым мальчишкой. Марк примирительно вздохнул.

– Поэзия состоит из строк, – начал он, поворачиваясь лицом к классу.

Глория передала записку Питеру Форрестеру. Вот наглость! Писать записки в то время, как из-за нее достается парню. Марк перехватил записку. Он прочел ее про себя, но так, чтобы весь класс видел, хотя подобные меры воздействия презирал. В записке говорилось:

"Пит! Ты насчет м-ра Проссера, пожалуй, не прав. Мне кажется, он – прелесть, и я очень много получаю от его занятий. В поэзии он как Бог в небесах. Мне даже кажется, что я его люблю. Да, люблю. Так что вот!"

Проссер сложил записку и сунул ее в боковой карман.

– Останьтесь после занятий, Глория, – сказал он, затем обратился к Джеффри: – Попробуем еще раз. Начните сначала…

Пока мальчик читал отрывок, раздался звонок. Это был последний урок. Комната быстро опустела. В классе осталась лишь Глория.

Он не заметил, когда именно начался дождь, но лило уже вовсю. Марк ходил по классу, закрывая палкой форточки и опуская занавески. Капли дождя отскакивали от его рук. Разговор с Глорией он начал решительным голосом. И решительный голос, и процедура закрывания форточек предназначались для того, чтобы защитить их обоих от смущения.

– Так вот, насчет записок в классе…

Глория точно застыла за своей партой в первом ряду. По тому, как она сидела, сложив обнаженные руки под грудью, ссутулясь, он понял – ей зябко.

– Во-первых, мазюкать записки, когда говорит учитель, невоспитанно, – начал Марк, – а во-вторых, глупо писать то, что могло бы прозвучать не так дурацки, если бы это было сказано вслух…

Он прислонил палку к стене и пошел к своему столу.

– Теперь насчет любви. На примере этого слова можно показать, как мы опошляем наш язык. Сегодня, когда это слово мусолят кинозвезды и безголосые певички, священники и психиатры, оно просто означает весьма туманную привязанность к чему-либо. В этом смысле я "люблю" дождь, эту доску, эти парты, вас. Как видите, теперь оно ничего не значит… А ведь когда-то оно говорило о весьма определенных желаниях разделить все, что у тебя есть, с другим человеком. Пожалуй, пришла пора придумать новое слово. А когда вы его придумаете, мой вам совет – берегите его! Обращайтесь с ним так, как если бы вы знали, что его можно истратить лишь один раз. Сделайте это если не ради себя, то хотя бы ради языка…

Он подошел к столу и кинул на него два карандаша, как бы говоря: "Вот и все".

– Я очень сожалею, – сказала Глория.

Несказанно удивленный мистер Проссер пролепетал:

– Ну и зря…

– Но вы не поняли!

– Очевидно! И, вероятно, никогда не понимал. В вашем возрасте я был такой, как Джеффри Лангер…

– Не могли вы таким быть. Спорить могу. – Девочка почти плакала, он был в этом уверен.

– Ну и будет, будет, Глория. Беги! Забудем об этом…

Медленно собрав книги, прижав их обнаженной рукой к груди, Глория вышла из класса. Она шла такой унылой, такой характерной для девочки-подростка шаркающей походкой, что ее бедра, казалось, проплыли над партами.

"Что нужно этим ребятам? – спрашивал себя Марк. – Чего они ищут? Скольжения, – решил он. – Научиться жить без трения, скользя. Скользить по жизни всегда ритмично, ничего не принимая близко к сердцу. Крутятся под тобой колесики, а ты, собственно, никуда и не едешь. Если существуют небесные кущи, то там, наверное, вот так и будет. Хм… "В поэзии он как Бог в небесах". Любят они это слово. "Небеса" эти почти во всех их песнях…"

– Боже! Стоит и мурлыкает!

Марк не заметил, как вошел в класс Странк, учитель физкультуры. Уходя, Глория оставила открытую настежь дверь.

– А-а-а, – сказал Марк, – падший ангел!

– Боже, Марк, куда это ты вознесся?

– В небеса. И не вознесся. Я всегда как бы там. Не понимаю, почему ты меня недооцениваешь…

– Да-а, слушай-ка! – воскликнул Странк, как всегда распираемый сплетнями. – Ты насчет Мэркисона слыхал?

– Нет, – ответил Марк, подражая манере Странка.

– Ну и спустили же с него штаны сегодня!

– Да ну!

Как обычно, Странк расхохотался еще до того, как рассказал очередную историю.

– Ты ведь знаешь, каким дьявольским сердцеедом он себя считает!

– Еще бы! – сказал Марк, хотя знал, что Странк говорит это о каждом преподавателе.

– Глория Ангстром у тебя, да?

– Конечно.

– Ну так вот, сегодня утром Мэрки перехватывает записку, которую она написала, а в записке говорится, что она считает его чертовски интересным парнем и что она его любит…

Странк помолчал, ожидая, что Марк что-нибудь скажет. Он тоже молчал. Тогда он продолжал:

– Он был в таком восторге, что от него аж пар шел… Но… слушай дальше… То же самое произошло вчера с Фрайбергом на истории! – Странк расхохотался и хрустнул пальцами. – Девка слишком тупа, чтобы самой придумать такое. Мы все считаем, что это затея Питера Форрестера…

– Возможно, – согласился Марк.

Странк проводил его до учительской, на ходу описывая выражение на лице Мэркисона, когда Фрайберг (без всякой задней мысли, учти!) рассказал о происшедшем…

Марк набрал шифр на замке своей кабинки.

– Извини меня, Дэйв, – сказал он. – Меня в городе жена ждет…

Странк был чересчур толстокож, чтобы уловить неприязнь в голосе Марка.

– А мне надо топать в спортзал, – сообщил он. – Маменькиных крошек не положено вести сегодня на воздух: дождь идет, того и гляди мамочки начнут писать ругательские записки учителю…

Все той же гусиной походкой он направился к спортзалу. Затем, обернувшись в конце коридора, крикнул:

– Только ты не говори сам-знаешь-кому!

Марк Проссер взял из кабинки пальто и натянул его, затем надел шляпу, влез в галоши, при этом больно придавив указательный палец, и снял зонтик с крючка. Он хотел раскрыть его прямо там, в пустом холле, шутки ради, но потом передумал.

А девчонка почти плакала. В этом он был уверен.

Примітки

1

Заглавие рассказа – цитата из трагедии Шекспира "Макбет" (V, 5, 19).

2

"Буря" (1612) – одна из поздних пьес Шекспира.